
К а р е н П е р р и

Карен Перри

НЕВИННЫЙ СОН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
П27

Серия «Читать интересно!»

Karen Perry

THE INNOCENT SLEEP

Перевод с английского *Е. Золот-Гасско*

Серийное оформление *В. Лебедевой*

Печатается с разрешения автора
при содействии литературных агентств
Curtis Brown UK и The Van Lear Agency LLC.

Перри, Карен.

П27 Невинный сон : [роман] / Карен Перри ; [пер. с англ. Е.Р. Золот-Гасско]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 320 с. — (Читать интересно!).

ISBN 978-5-17-081402-2

Всего пять минут — и жизнь Гарри и Робин, счастливой семейной пары, изменится навсегда: во время подземного толчка в Танжере бесследно исчезает их маленький сын Диллон.

Проходит пять лет — и Гарри с Робин, ждущей второго ребенка, казалось бы, готовы смириться с потерей, но... в бурлящей толпе людей в Дублине Гарри вдруг замечает мальчика, который очень похож на пропавшего Диллона. Неужели это действительно их сын? И если да, то где он был все это время?..

Так начинается потрясающая история любви и предательства, потеря и обретения надежды. История, которая трогает до глубины души...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Karen Gillece and Paul Perry, 2014

© Перевод. Е. Золот-Гасско, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-081402-2

Танжер, 2005 год

Надвигается буря. Ее приближение ощущается в неестественной неподвижности воздуха. На узких улочках Танжера ни души, не слышно ни шелеста одежд, ни шепота морского бриза.

Сквозь бельевые веревки, протянутые между домами, над черепичными крышами он видит клочок неба. У него какой-то странный синеватый отблеск, напоминающий северное сияние.

Он, помешивая теплое молоко в чашке, смотрит на поминутно меняющиеся невиданные краски неба.

Положив ложку на стол, он поворачивается спиной к открытому окну и направляется к мальчику, который старательно собирает пазл.

— Держи, — протянув ему чашку, говорит отец.

Мальчик не поднимает головы.

— Брось, Диллон. Выпей.

Мальчик смотрит на отца и хмурится.

— Нет, папа, я не хочу.

Отец снова протягивает ему чашку.

Мальчик нерешительно берет ее. Гарри, делая вид, что не замечает его сомнений, поощрительно кивает головой. Мальчик большими медленными глотками пьет молоко. Из уголка его губ течет маленькая струйка, и отец вытирает ее салфеткой. Диллон делает еще один глоток и возвращает чашку отцу.

— Все, папа, выпил, — говорит он.

Гарри забирает у сына чашку и идет к раковине, чтобы ее сполоснуть.

На дне чашки едва заметный налет порошка. Гарри наполняет чашку водой и следит, как порошок всплывает на поверхность, а потом выплескивается в раковину и исчезает.

Вода все еще бежит из крана. Гарри набирает ее в кастрюлю и ставит кастрюлю на плиту. Газ зажечь непросто, и прежде чем он вспыхивает, приходится не один раз с силой повернуть ручку плиты.

Гарри достает кус-кус, потом берет горсть изюма и насыпает ее в миску. Полупустая бутылка бренди стоит на столике рядом с бутылкой оливкового масла. Гарри выливает бренди на изюм. Но прежде чем закрыть бутылку, он подносит ее к носу и вдыхает запах бренди. А потом поспешно, чуть ли не тайком, делает несколько глотков и, завинтив крышку, ставит бутылку на место рядом с оливковым маслом.

Гарри снова смотрит на переменчивые краски неба. Ему хочется обратить на них внимание сына, но он сдерживается. У мальчика, который завершает пазл, уже слипаются глаза.

Гарри снова принимается за готовку. Налив немного оливкового масла в правую ладонь, он протирает им нож, потом мелко режет финики и высыпает их в миску. Прежде чем положить на доску абрикосы, Гарри проводит пальцем по лезвию ножа.

Улицы за окном безмолвны. Обычно в это время из соседних квартир доносится суетливый шум, но сегодня вечером не слышно ни крикливых голосов, ни звона посуды, ни шипения масла на сковородках, ни плача голодных младенцев. Мир вокруг погружен в тишину. Словно все жители Танжера затаили дыхание.

Гарри поворачивается к Диллону:

— Пора спать.

Не пытаясь протестовать, Диллон молча кивает. Гарри берет сына на руки и относит в его комнату. Там он раздевает мальчика и укрывает одеялом. Он гладит Диллона по щеке и наклоняется, чтобы поцеловать его в лоб.

— Спокойной ночи, мой славный принц.

Но мальчик не отвечает. Он уже спит.

Гарри возвращается на кухню и наливает себе джин с тоником. Позади долгий тяжелый день. Он чувствует, как напряжено его тело, — это сказываются и жара, и требования сына, и невозможность сосредоточиться.

Хотя стало прохладнее, воздух по-прежнему гнетуще тяжелый. Теперь, когда мальчик уснул, он сможет спокойно заняться ужином. Сегодня день рождения Робин, и ему хочется приготовить что-то особенное.

Он включает духовку, снимает крышку с кастрюли, в которой уже лежит баранина, натирает мясо крупной солью, розмарином и душицей и ставит баранину в духовку. Пока Гарри занимается готовкой, он не сводит взгляда с неба: интересно, когда эти тучи разразятся дождем?

Дожди в Танжере бывают затяжными. Порой день за днем льет как из ведра. Это казалось удивительным, когда пять лет назад они переехали сюда. Сейчас он жаждал, чтобы грянула гроза, чтобы она очистила воздух и разрядила тягостную, давящую атмосферу.

Порция джина не спасает от головной боли. Гарри бросает взгляд на старые часы над плитой и наливает себе еще один стакан.

Резкий телефонный звонок заставляет его вздрогнуть.

— Все в порядке? — спрашивает Робин.

— Да, Диллон спит, а я готовлю ужин.

— Он спит?

От удивления в ее голосе ему не по себе.

— Да, он устал.

— Слушай, — говорит Робин, и по ее тону понятно, что она хочет о чем-то попросить. — Симо заболел и ушел домой. Я пообещала Раулю, что задержусь и поработаю за него.

— Но сегодня твой день рождения.

— Это всего на пару часов. Не больше.

Гарри ничего не отвечает.

— Когда я приду домой, все еще будет мой день рождения, — утешает Робин.

Гарри осушает стакан и соглашается: да, когда она вернется домой, действительно все еще будет ее день рождения.

Он прощается, вешает трубку и наливает себе еще один стакан. Последний до ее прихода. Он не хочет напиться и испортить ей вечер.

Из-за головной боли и этого витающего в воздухе непонятного напряжения Гарри не находит себе места, и ему безумно не хватает умиротворяющего присутствия Робин. Сегодня вечером ему почему-то не хочется оставаться одному. Чтобы отвлечься, он начинает убирать игрушки, складывать в стопки книги, раскладывать на диване подушки.

Гарри наводит порядок на кофейном столике и подметает кафельный пол. Комнаты приобретают свой обычный вид — опрятное жилище, ставшее их домом: старенькая, но удобная кушетка, занавеска из бусин, отделяющая закуток кухни от комнаты, уголок у окна, где возле стены стоят несколько полотен. Гарри наводит порядок даже на их обеденном столе. Он слегка сердит на Робин. Если бы он знал, что она задержится, то не стал бы так рано укладывать Диллона.

Все же расстраиваться не стоит, и он принимается накрывать на стол. Ножи, вилки, салфетки. Но где свечи?

Днем он купил на базаре четыре белых свечи, рулон полотна цвета шафрана, чтобы набросить на диван, и большой посеребренный поднос с тонкой филигранью в виде свитков и всевозможных узоров. Поднос предназначался в подарок Робин. Гарри торговался за него минут двадцать, а сейчас вдруг сообразил, что оставил его вместе с другими вещами у Козимо.

Гарри в общем-то не собирался заходить к Козимо. Эта идея пришла ему в голову ни с того ни с сего. И он почти сразу пожалел, что привел с собой Диллона. Козимо не привык к детям, особенно к их присутствию в собственном доме. Пока Гарри болтал с Козимо, Диллон умирал от скуки и раздражения, и вскоре он стал тянуть Гарри за рукав и громко ныть, так что их визит пришлось резко завершить, — Гарри схватил сына на руки и вынес из дома, оставив Козимо наслаждаться благодатным покоем.

— Черт побери! — восклицает Гарри, раздумывая, что ему теперь делать.

Самое простое — позвонить Козимо.

Но Гарри знает, к чему это приведет: Козимо настаит на том, чтобы принести ему забытые вещи, в благодарность за это попросит выпивку; и не успеют приятели оглянуться, как увлекутся разговором и забудут обо всем на свете. Гарри бросит готовку, а Козимо и в голову не придет вовремя откланяться, словом, вечер скорее всего будет испорчен.

Гарри идет проведать сына. Мальчик крепко спит, и Гарри знает, что лучше его не будить. К тому же дом Козимо недалеко, надо лишь спуститься с холма. Он успеет вернуться минут за десять. Но нужно идти прямо сейчас, пока не зарядил дождь.

Бросив последний взгляд на ребенка, Гарри поспешно спускается по лестнице в пустую книжную лавку. В лавке сумрачно — вечерний свет угасает, а небо потемнело и нахмурилось. Гарри выходит наружу, запирает за собой дверь и решительно пускается в путь по узким улочкам Танжера.

Тишина на улицах его тяготит. Гарри поднимает глаза и встречается взглядом с женщиной в парандже, глазающей на него из окна. Женщина мгновенно отходит назад и исчезает из виду.

Где-то неподалеку в переулке лает собака. Гарри никак не может избавиться от какого-то тягостного предчувствия. Джин не только не снял напряжение, а, наоборот, обострил тревогу.

Но о чем ему волноваться?

Он оставил мальчика одного. Гарри чувствует себя виноватым, он ускоряет шаг и уже почти бегом заворачивает за угол.

Когда он проходит мимо бара, неоновая афиша над ним издает громкое шипение. Как странно, наверное, он выглядит со стороны, — белый мужчина, летящий по улицам Танжера. Гарри, не останавливаясь, добегают до расписных ворот и резко жмет на кнопку звонка.

Проходит минута-другая, и Гарри слышит, как за воротами по каменным плитам мягко постукивают кожаные тапочки. Появляется маленькая фигура, одетая в джеллабу, и по мере того как Козимо приближается к воротам, недоумение на его морщинистом лице тает, и он приветливо машет рукой.

— Мой друг, — говорит он и отпирает ворота.

И в тот момент, когда Козимо с грохотом отодвигает засов, Гарри вдруг слышит ответный шум — громче, резче и гораздо страшнее.

Это не вспышка молнии и не раскат грома. Раздается треск, но этот треск вопреки ожиданию Гарри, не исходит с неба. Он ощущается подошвами.

Из недр земли доносится глухой рокот. Почва под ногами вдруг начинает трястись. Гарри протягивает руку к стене, но стена смещается, а ворота лязгают на металлических петлях.

Тошнотворно раскачиваясь, земля, словно жидкость, расступается под ногами. Мир вокруг наполняется утробным ревом, звоном разбитого стекла, грохотом падающей с крыш черепицы и треском дерева.

Земля пульсирует, уходит из-под ног, и Гарри кажется, что его сердце выскочит из груди.

Он слышит, как где-то на улице со свистом вырывается из лопнувшей трубы газ, и, повернувшись спиной к стене, видит, как здание напротив вдруг накренилось и покачнулось. Зашаталось из стороны в сторону. В воздух взметнулся столб дыма, запахло газом, но в то мгновение, когда здание, казалось бы, должно было рухнуть, оно вновь замирает на месте.

Земля замирает. Рокот смолкает. Буйство в недрах земли постепенно стихает.

Гарри, распластавшись по стене и прижав руки к бокам, стоит не шевелясь. Здание, с которого он не сводил глаз, возвращается в свое прежнее положение.

Тело Гарри парализовано страхом, и проходит минута-другая, прежде чем ему удастся успокоиться. Мускулы расслабляются, и он снова может двигаться.

— Ничего себе толчок, — говорит Козимо, лицо у него пепельного цвета, а в широко раскрытых глазах все еще неподдельный страх.

Гарри собирается ему что-то ответить, но не говорит ни слова.

«Что случилось?» — хочет спросить Козимо, но у него пересохло в горле, а Гарри уже и след простыл.

Гарри бежит мимо бара. Неоновая реклама свалилась на дорогу. Прежде чем угаснуть окончательно, она трещит и искрит. Вдоль всей улицы не горит ни единого фонаря. Кругом тихо, в воздухе словно висит пелена тягостного безмолвия. Но это ненадолго.

В хрупкое затишье врывается шум бегущих мимо людей. Гонимые страхом, они мчатся вниз по холму: их пугают повторные толчки, они в ужасе от того, что их непрочные жилища вот-вот рухнут.

Похоже, только один Гарри бежит вверх по холму, он задыхается, сердце бешено колотится в груди.

Внезапно Гарри слышит крики и плач. Открываются двери, и из домов выскакивают люди: одни ошеломлен-

ные и растерянные, другие — в безумной панике. Мимо Гарри пробегает мужчина, он несет на руках троих детей. Спотыкаясь, на порог выбегает женщина, она плачет, все лицо у нее в крови, над глазом глубокая рана.

На углу мужчина снова и снова кричит: «Это послал нам Аллах, это все Аллах!»

Гарри останавливается, чтобы отдышаться. Женщина обнимает его за шею. Он отталкивает ее и бежит дальше.

Вокруг качаются здания, взрывается в воздух пламя. Люди плачут, молятся, зывают о помощи. Животные вместе с людьми кричат и воют.

Гарри мчится сломя голову. Пробегая мимо гостиницы «Средиземноморская», он видит на крыше троих мужчин. Эти обезумевшие вот-вот провалятся сквозь крышу в охваченное огнем здание и сгорят заживо; офицер, стоящий перед гостиницей, приказывает своим подчиненным стрелять в этих троих, и на глазах у остолбеневшей толпы солдаты выполняют приказ. Быстро и метко.

Кажется, что наступил конец света.

Повсюду пыль.

Гарри, вдыхая ее, кашляет и отплеивается, из глаз у него текут слезы, в горле пересохло. Дым щекочет ноздри. Гарри видит горящие дома, языки пламени лижут окна и двери.

Вдалеке воют сирены. Но слышны и другие звуки: грохот здания, глухой стук сыплющихся на землю кирпичей, треск отскочившей от крыши кровли.

Гарри бежит дальше. Здание накренилось и, словно старик, который не в силах больше держаться на ногах, прислонилось к соседнему.

Из трещин в асфальте, пузырясь, сочится вода, вода и песок. Эта грязная каша течет по переулку и подбирается к ногам Гарри.

У здания кондитерской на углу его улицы отвалился фасад, обнажив комнаты и неприятную мебель.

Гарри видны кровать, диван и колышущиеся на ветру занавески.

Он сворачивает на свою улицу. Здесь пыль еще гуще, и прямо на него движется огромное ее облако.

Гарри замирает как вкопанный.

Что-то трепещет и шелестит вокруг его ног. Он опускает глаза и видит сотни разбросанных по дороге книг.

В просвете между домами видно небо — темное и плоское. Устоявшие здания кажутся желтыми и безжизненными.

Гарри обводит разруху взглядом. В памяти вдруг всплывает образ из недавнего прошлого: он стоит в узком коридоре, держа на руках спящего сына; Гарри едва ли не ощущает прикосновение его кожи, тепло его тельца.

Но тут нечто невысказанное одним ударом возвращает его в реальность. Здания, в котором он работал, спал, любил, писал картины, растил сына, укладывал его спать, — этого здания, в котором он жил и которое считал своим домом, больше нет. Оно просто исчезло. Земля поглотила его. Безвозвратно. Навсегда.

Дублин, 2010 год

Глава 1

ГАРРИ

Когда я уходил из дома, Робин еще спала. Я хотел разбудить ее и рассказать, что выпал первый снег. Но когда я отвернулся от окна и посмотрел на нее — разметавшиеся по подушке волосы, легкое, ровное дыхание, сомкнутые веки и умиротворенное выражение лица, — я передумал. Последнее время она часто уставала, или по крайней мере мне так казалось. Она жаловалась на головную боль и бессонницу. И потому я решил ее не будить и тихо закрыл за собой дверь спальни. Я спустился вниз, забрал с кухонного стола пустые бутылки и выставил их за дверь. Потом без завтрака и даже без чашки кофе вышел на улицу. Оставлять записку не было никакой нужды. Робин знала, куда я направлялся.

Холодный воздух бодрил. Я уже в который раз пожалел, что слишком много выпил накануне, но свежий морозный воздух помог прийти в себя. Я был полон благих намерений. Я решил начать все с чистого листа, заняться своим здоровьем и вести активную, насыщенную жизнь. И дело было не только в утреннем воздухе. Разве прошлым вечером я не сказал то же самое моей Робин?

— Ты человек с благими намерениями.

— С самыми наилучшими.

Робин улыбнулась моим словам. У нее была щедрая улыбка, своей улыбкой она признавала мои слабости и одновременно прощала их. После истории с Диллоном ее

нежность ко мне не иссякла, хотя такое легко могло случиться. И я бы ее не винил. Она не ожесточилась. Несмотря на то что нам пришлось испытать, она осталась самой собой.

Однако порой слова Робин или поступки оказывались настолько неожиданными, что невольно заставляли меня задумываться и посмотреть на нее другими глазами.

Мой приятель Спенсер однажды заметил: «Такова супружеская жизнь». Будучи одиноким, или, как он предпочитал называть себя, «холостяком», Спенсер любил рассуждать о супружестве. Стоило мне как-то раз пожаловаться, что мое свадебное кольцо мне тесно, и он тут же заметил: «Так и должно быть».

Мы с Робин по-прежнему вели доверительные беседы, но когда люди давно женаты, случается, что вечером во время разговора ты уже знаешь, что собирается сказать твоя половина, поэтому перестаешь слушать и отправляешься спать. Именно так и было вчера. Я что-то оживленно говорил, а Робин резко поднялась с места, наклонилась ко мне, оборвала мою речь поцелуем, а потом просто сказала: «Спокойной ночи». Мне не стоило из-за этого расстраиваться. Я, наверное, нес какую-то чушь, однако уход Робин подтолкнул меня к еще одной бутылке вина, а потом уже за полночь — еще одной.

Но сегодня все будет иначе. Сегодня я начну жить по-другому. И первый снег возвестил об этом: он разбудил меня и напомнил о том, что начинается новая жизнь. Я закрывал магазин и запирали двери своей студии в центре Дублина. «Конец эры», — пошутил Спенсер. С сегодняшнего дня я буду работать в нашем гараже. Это сэкономит нам деньги, а в них мы, что и говорить, весьма нуждаемся; они пригодятся для ремонта дома, в который мы только что въехали. Когда-то этот дом принадлежал деду и бабушке Робин, а теперь достался нам. У Робин с ним связано немало воспоминаний. И хотя жизнь в пригороде Монкстауна и близко не напоминала наши дни в Тан-